

Выслушав доклад аньвэй, Жун Чжао на мгновение погрузился в молчание, после чего лишь сухо обронил:

— Понятно. Продолжай.

Однако Тёмный страж, добравшись до этой части повествования, окончательно утратил самообладание. Его лицо застыло каменной маской, а голос звучал натянуто:

— После этого ванфэй завел беседу с супругом генерала Хо. Кажется, они старые знакомые. И Чжу Цзылин сказал... он сказал...

Жун Чжао поторопил его бесстрастным тоном:

— И что же он сказал?

«Раз стражу так трудно выговорить это, неужто Чжу Цзылин выдал нечто еще более вопиющее, чем его недавнее признание? Хм... Весьма неподобающее поведение».

Аньвэй, не смея поднять глаз и встретиться с князем взглядом, заставил себя пересказать те самые наставления юноши: «Пусть себе злится, вам-то что? Главное — получить желаемое».

Страж проклинал свою судьбу: ну почему именно сегодня наступила его очередь следовать за Чжу Цзылином?

Уж лучше бы его отправили к командиру на порку, чем заставляли повторять Вашему Высочеству уроки по укрощению мужей, которые ванфэй столь щедро раздавал направо и налево!

Спокойствие, хранимое на лице Жун Чжао, на миг дало трещину.

Он ожидал, что речи Цзылина будут смелыми, но и помыслить не мог, что до такой степени...

— ...Так он и сказал? — процедил князь. — Значит, если он получит желаемое, то мои чувства его не заботят, даже если я впаду в ярость?

Взор Жун Чжао обледенел. Вспомнив, как настойчиво и методично Чжу Цзылин выводил его из себя в последнее время, он едва сдержал гнев.

Почувствовав, как от князя волнами исходит пугающая аура, оба аньвэй в душе лишь горестно

вздохнули.

«Ну вот, началось»

Покрываясь холодным потом от собственного невезения, они поспешили добавить:

— На самом деле Чжу Цзылин недолго беседовал с господином Вэнем. Он лишь обмолвился парой фраз и сразу заспешил обратно, сказав, что должен вернуться в поместье, дабы разделить с Вашим Высочеством трапезу.

«Выходит, мысли супруга всё равно были лишь о вас, и слова его не стоит понимать буквально. Это был лишь совет, как Вэнь Цы совладать с генералом Хо, не принимайте это на свой счет».

Тёмные стражи изо всех сил старались донести эту мысль, не высказывая её прямо, и лицо Жун Чжао действительно немного смягчилось.

Вспомнив, как недавно юноша уговаривал его поесть поскорее, князь позволил гневу немного утихнуть, хотя радости в его душе не прибавилось. Холодно приказав стражам удалиться, он перевел взгляд на ящик стола, где покоились те самые описания заморских продуктов, которые Цзылин всучил ему накануне.

«Главное — получить желаемое? Даже если он сердится, в конце концов всё равно согласится? Ха. На этот раз не надейся».

Час спустя

Когда они вновь встретились за столом, Жун Чжао сохранял подчеркнuto холодный и отстраненный вид.

Однако Чжу Цзылина это нисколько не смутило. Казалось, он всю воплощал в жизнь собственное правило «пусть себе злится», и с завидным аппетитом уплетал обед. От этого зрелища лицо князя стало еще мрачнее.

Хотя он давно должен был проголодаться, Жун Чжао чувствовал себя настолько сытым этим самым гневом, что, съев лишь пару кусочков, с ледяной миной отложил палочки.

На этот раз Цзылин проявил бдительность и тут же поднял на него взгляд.

— Ваше Высочество, вы уже закончили?

Князь одарил его коротким неприязненным кивком.

Цзылин тут же осознал, что дело плохо.

Когда-то он мимоходом бросил фразу, мол, без Жун Чжао кусок в горло не лезет, лишь для того, чтобы иметь повод обедать вместе. Сейчас это оправдание наверняка всем казалось ложью — он ведь преспокойно поглощал сладости в одиночестве. И пускай десерты считались лишь легким перекусом, это еще можно было стерпеть. Но если Ли-ван уйдет из-за стола, а Цзылин продолжит весело жевать, это станет прямым оскорблением.

Юноша не слишком заботился о собственной репутации, но он всерьез опасался, что Жун Чжао использует это как повод и впредь запретит ему приходиться на обеды.

— Ваше Высочество, съешьте еще немного. Негоже морить себя голодом, это вредно для здоровья.

Цзылин был готов даже поступиться частью изысканных блюд в пользу собеседника, лишь бы тот сменил гнев на милость.

Жун Чжао посмотрел на его подчеркнуто участливое лицо, помедлил мгновение и, изогнув бровь в усмешке, спросил:

— Неужели ванфэй так печется о моем здоровье?

Цзылин поспешно закивал. Чтобы подтвердить свою искренность, он, не мигая, уставился на Жун Чжао — вид у него в этот момент был самый что ни на есть невинный.

В душе князя что-то дрогнуло, но на этот раз он не собирался сдаваться так легко. Глядя в эти чистые глаза, он бесстрастно произнес:

— Но разве ванфэй не считает, что если князь злится, то на это можно не обращать внимания? Как же так? Ванфэй боится, как бы голод не подкосил мои силы, но ничуть не опасается, что мой гнев может быть опасен для здоровья?

— А? — Цзылин опешил.

Лишь спустя пару секунд до него дошло: Жун Чжао прознал о его разговоре с Вэнь Цы на празднике.

Цзылин удивился, хотя, если подумать, это было вполне ожидаемо.

Он заметил, что за ним из поместья Ли увязались «хвосты», и догадался, что это Тёмные стражи.

Впрочем, его это не заботило — в самом поместье анвьэй и так постоянно следовали за ним по пятам.

В конце концов, он был чужаком, появившимся в доме совсем недавно. Жун Чжао, привыкший к постоянным покушениям, имел полное право на подозрительность и слежку — Цзылин это прекрасно понимал.

Ему было нечего скрывать, а стражи не осмеливались приближаться слишком близко, так что их присутствие ему ничуть не мешало.

Но юноша полагал, что князя интересуют лишь его перемещения и возможные подозрительные связи, а не пустая болтовня со старым знакомым.

«Неужто Вашему Высочеству совсем нечем заняться?»

К тому же Жун Чжао спрашивал об этом напрямую, даже не пытаясь скрыть факт слежки...

Цзылин вдруг осознал: пускай он сам был человеком без тени стыда, Ли-ван в этом искусстве, похоже, ничуть ему не уступал.

Но как бы то ни было, сейчас он оказался в невыгодном положении.

Цзылин быстро восстановил в памяти свои недавние слова и пришел к выводу: если Жун Чжао всерьез рассердится, то вполне может лишить его сытных обедов в поместье. При одной этой мысли юноша мгновенно «сдался».

— Как вы могли такое подумать? — он захлопал ресницами, глядя на Жун Чжао самым заискивающим образом. — Ваше Высочество, вы меня превратно поняли. Конечно же, я очень переживаю, когда вы сердитесь! Те слова предназначались лишь Вэнь Цы — у него с Хо Сюаньчжао и без того натянутые отношения, вот я и посоветовал ему не брать в расчет гнев супруга. Разве можно сравнивать наш с вами союз с их раздорами?

Жун Чжао посмотрел на него с сомнением, не желая так просто верить:

— Однако мне кажется, что ванфэй и сам придерживается этого правила. Прежде вы не раз требовали чего-то, зная, что это вызовет мое недовольство, и при этом выглядели весьма довольным. Даже когда я отвечал отказом, вы лишь становились еще настойчивее. Совсем не похоже, что вас заботит мое душевное спокойствие.

Цзылин под этим взглядом невольно склонил голову. Однако, когда он снова поднял взор, от его мимолетного смущения не осталось и следа. Лицо юноши выражало лишь предельную искренность:

— Ваше Высочество, как вы могли так подумать о моих намерениях! Вовсе не гнев ваш меня не заботит. Просто все мои помыслы заняты лишь тем, как бы приготовить нечто столь изысканное, что пробудило бы ваш аппетит. Ведь если Ваше Высочество будет довольно трапезой, то и гнев ваш развеется сам собой, не так ли? — Цзылин горестно вздохнул. — Увы, я мало на что годен и знаю лишь рецепты редких яств. Только ими я и могу надеяться усмирить ваше недовольство. Все мои думы лишь о Вашем Высочестве, разве можно называть это наглостью?

Жун Чжао едва не поддался на этот жалобный вид. Но стоило ему вспомнить те фразы — «даже если он злится, всё равно согласится», «главное — самому быть сытым, а желаемого можно и дожидаться», — как он снова заставил свое лицо окаменеть.

— Если бы в мыслях ванфэй не было ничего подобного, как бы такие слова вообще сошли с вашего языка?

Князь не верил, что Цзылин вышел за него лишь ради выгоды. В конце концов, юноша сам сказал: «С кем-то другим этот фокус бы не прошел». Очевидно, в его глазах муж отличался от прочих.

К тому же между ними была связь из далекого детства. Цзылин наверняка дорожил им, и их отношения не могли быть точь-в-точь такими, как те, о которых он рассказывал Вэнь Цы.

Но как ни крути, этот ванфэй в последнее время совсем отбился от рук.

Пользуясь тем, что Жун Чжао не причинит ему вреда, он становился всё смелее и совершенно перестал бояться княжеского гнева.

Определенно, его пора было приструнить.

— Ваше Высочество, ваши слова несправедливы! Я вот мечтаю отведать острого перца, но до сих пор так его и не получил, — Цзылин решил стоять на своем. — Я лишь дал совет Вэнь Цы, к чему же примерять его на себя? Разве мы с вами такие же, как они? Вэнь Цы и вовсе подумывает о разводе, я же ни за что на свете не пожелаю расстаться с вами!

«Я с таким трудом нашел этот источник первоклассного пропитания, ни за что его не упущу»

Жун Чжао промолчал, и Цзылин, почувствовав, что гнев князя понемногу утихает, поспешил закрепить успех:

— Я день и ночь только и думаю о том, что бы еще вкусного приготовить для Вашего Высочества, неужто вы совсем не помните моей доброты? Эх, ладно, — он печально вздохнул, применив тактику отступления. — Если Ваше Высочество желает так думать обо мне — что ж, я ничего не могу поделать. Но то новое блюдо, которое я задумал приготовить для вас сегодня днем, я всё равно сделаю.

Глядя на поникшего юношу, который, несмотря на обиду, всё еще пекся о его обеде, Жун Чжао, сам того не ожидая, почувствовал укол совести...

«Скорее всего, так и есть. Разве я не решил еще раньше, что этот малец слишком простодушен и умом не блещет?»

Смятение отразилось во взгляде князя, когда он снова посмотрел на Чжу Цзылина.

Кажется, на этот раз он и впрямь был к нему излишне суров.

<http://bllate.org/book/15829/1436491>